

A close-up photograph of a man and a woman. The man, in the foreground, has a beard and is wearing a dark, textured coat. He has a serious, intense expression. The woman, slightly behind him, has long brown hair and is also looking forward with a serious expression. The background is blurred, suggesting an outdoor setting.

«Право на справедливость»

Дара Вейн

Дара Вейн

«Право на справедливость»

«Автор»

2026

Вейн Д.

«Право на справедливость» / Д. Вейн — «Автор», 2026

В психологическом триллере переплетаются судьбы следователя Михаила и Евгении, которая, одержимая идеей наказать лжецов, вершит собственное жестокое правосудие. Травма детства, связанная с обманом отца, искажает её представление о справедливости — и приводит к череде преступлений. Расследуя дело, Михаил сталкивается не только с уликами, но и с собственными старыми ранами: когда-то и ему лгали близкие. В ходе следствия раскрываются мотивы героини, роль её брата, пытавшегося спасти сестру, и сложный путь от побега к признанию. История завершается не простым осуждением, а попыткой разобраться в сломанной логике Евгении — и личным примирением Михаила с собственной болью и профессиональным долгом.

© Вейн Д., 2026

© Автор, 2026

Дара Вейн

«Право на справедливость»

Глава 1. Обычная девушка

Утро в городе начиналось буднично: гудели машины, шуршали пакеты в киосках, кто-то торопливо пил кофе на ходу, а кто-то, наоборот, не спешил, будто день был слишком хорош, чтобы его портить суетой. В этой суете, почти незаметная среди высоких прохожих, шла Евгения. Сто пятьдесят сантиметров роста делали её похожей на девушку из старой открытки — хрупкую, аккуратную, с лёгкой улыбкой, которая будто прилипла к лицу и казалась такой естественной, что никто и не думал сомневаться в её искренности.

Она любила этот час: когда город ещё не стал слишком громким, но уже не спал. Евгения шла по тротуару, чуть покачивая сумкой, и кивала знакомым — продавщице из булочной, дворнику, который каждый день подметал одно и то же место, будто это был его личный ритуал, парню из цветочного, который вечно забывал сдачу. Она всё замечала. И не потому, что была особенно внимательной — просто ей нравилось собирать чужие маленькие привычки, как бусины на нитку, чтобы потом, если станет одиноко, перебирать их в памяти.

В офисе, куда она приходила ровно без пяти девять, её ждали как часть интерьера: уютную, надёжную, ту, которая всегда подскажет, где лежит нужный файл, и предложит чай, даже если сама его терпеть не могла.

— Жень, ты чудо, — сказала Марина, щёлкая мышкой и вздыхая так, будто на неё свалилась вся тяжесть мира из-за одной неправильно оформленной таблицы. — Ты не глянешь? Я уже третий раз переделываю, а всё не то.

Евгения улыбнулась, присела рядом, быстро пробежалась глазами по строчкам и тут же ткнула пальцем в ячейку:

— Тут формат даты не тот. Поставь «дд.мм.гггг», и всё встанет.

Марина выдохнула, будто с неё сняли рюкзак с кирпичами.

— Ты гений. Серьёзно. Как ты это видишь?

Евгения пожала плечами, будто ничего особенного не сделала.

— Просто привычка. Люблю, когда всё на своих местах.

И это было правдой. Она действительно любила порядок. Только порядок у неё был свой, не такой, как у всех. Для неё правильным было, когда ложь не пряталась за вежливыми улыбками, когда человек не притворялся тем, кем не был. А таких было много. Слишком много.

К обеду она уже успела помочь троим коллегам, сходить за булочками для отдела и выслушать историю секретарши про её кота, который снова устроил погром в квартире. Евгения кивала, смеялась в нужных местах, подбадривала — и всё это с такой искренностью, что никому и в голову не приходило, что за этой улыбкой прячется что-то ещё. Что-то тяжёлое, холодное, терпеливо ждущее своего часа.

А оно ждало.

Когда день наконец выдохся и офис опустел, Евгения медленно собрала вещи, проверила, не забыла ли что-нибудь, и вышла на улицу. Солнце уже садилось, окрашивая город в тёплые тона, но ей этот свет казался фальшивым. Как декорации в плохом театре.

Она шла к автобусной остановке, привычно здороваясь с людьми, которых видела каждый день. И в какой-то момент, проходя мимо мужчины у киоска, она вдруг остановилась. Не надолго — всего на пару секунд. Он говорил по телефону, улыбался, кивал, а потом тихо, почти шёпотом, сказал: «Да, я скоро буду. Люблю тебя». И тут же, не убирая улыбки, добавил кому-то другому: «Через десять минут, я уже выезжаю».

Евгения не вздрогнула. Не нахмурилась. Просто посмотрела на него чуть дольше, чем нужно, будто проверяя, не ошиблась ли. А потом спокойно пошла дальше.

Вечером, когда город окончательно потемнел, она села в автобус, который шёл за пределы центра, туда, где фонари горели реже, а тишина становилась почти осязаемой. В сумке у неё лежал небольшой свёрток — ничего особенного, просто шарф, которым она прикрывала плечи в прохладные вечера. Но в одном из углов была зашита маленькая пуговица — трофей. Ещё одна в её коллекции.

Автобус выехал на трассу. Евгения встала у выхода, готовая сойти на следующей остановке. Там, где дорога тянулась тёмной лентой, а редкие машины пролетали мимо, словно испуганные звери.

Она знала, что сегодня кто-то остановится. Кто-то предложит подвезти. Кто-то скажет: «Садись, не стой тут, холодно». И в этом «не стой тут» будет столько фальшивой заботы, столько желания выглядеть хорошим, что она почти почувствует её вкус — горький, как недозрелая ягода.

И тогда начнётся другая часть её дня. Та, о которой никто не должен знать.

Глава 2. Трасса

Автобус остановился, лязгнув дверьми, будто отрезав Евгению от прежнего мира — от офиса, от коллег, от улыбок, от «ты чудо, Жень». Она сошла на пустынной остановке, где единственным напоминанием о цивилизации был покосившийся указатель с полустёртым названием посёлка. Ветер тут был другой — не городской, липкий от пыли и запахов бензина, а резкий, чистый, будто пытался сдуть с неё всю эту дневную мишуру.

Евгения поправила шарф, привычно проверила, плотно ли сидит сумка на плече, и пошла к обочине. Здесь, в паре сотен метров от остановки, дорога вытягивалась в тёмную ленту, рассекавшую поля. Редкие машины пролетали мимо, швыряя в темноту снопы света, и тут же исчезали, оставляя после себя только гул, который медленно оседал в тишине.

Она встала там, где тень от старого дерева ложилась на асфальт, делая её почти невидимой. Это было частью её ритуала: не бросаться на свет, не махать руками, не выглядеть отчаявшейся. Наоборот — она стояла спокойно, чуть ссутулившись, будто просто задумалась, глядя вдаль. Маленькая, хрупкая, безобидная. Именно такой её и должны были видеть.

Первая машина пронеслась мимо, даже не притормозив. Вторая — тоже. А третья... Третья замедлилась.

Старый седан с потускневшими фарами прокатился вперёд, потом сдал назад и остановился метрах в пяти от неё. Дверца приоткрылась, и из машины выглянул мужчина. В свете приборной панели его лицо казалось желтоватым, усталым, но голос звучал бодро, почти весело:

— Эй, ты чего тут стоишь? Одна? Далеко собралась?

Евгения чуть наклонила голову, будто смутилась, и сделала два шага вперёд — так, чтобы он мог её разглядеть.

— Да вот... автобус последний ушёл, а мне надо в Сосновку, — спокойно сказала она, чуть опустив глаза. — Тут недалеко, но уже темно...

Мужчина хмыкнул, оглядываясь на пассажирское сиденье.

— Садись, подвезу. Чего стоять-то. Тут по ночам всякое бывает.

Вот оно. То самое «чего стоять-то» — фальшивое благородство, которое она научилась слышать за километр. В нём всегда пряталось что-то ещё: нетерпение, желание казаться хорошим, а иногда — лёгкий азарт, будто он не просто помогал, а выигрывал какой-то маленький, грязный приз.

— Спасибо, — тихо сказала Евгения, подходя к машине. Она не торопилась. Открыла дверцу, аккуратно села, поставила сумку на колени и только потом подняла глаза на водителя.

Он улыбнулся, чуть наклонив голову, и снова стал тем самым «хорошим парнем», который просто не мог проехать мимо одинокой девушки.

— Я Игорь, — сказал он, включая поворотник и плавно трогаясь с места. — А тебя как звать?

— Женя, — ответила она, и улыбка скользнула по её губам — лёгкая, привычная, та самая, которую все принимали за искренность.

Игорь кивнул, будто имя ему понравилось, и начал рассказывать какую-то историю — про то, как застрял сегодня в пробке, про то, что жена ворчала, потому что ужин остыл, про то, как он всё равно рад, что смог вырваться и теперь едет по свободной дороге. Евгения слушала, кивая в нужных местах, но её внимание было сосредоточено не на словах. Она ловила интонации, паузы, то, как он касался пальцами руля, как избегал смотреть на неё дольше пары секунд.

И в какой-то момент он сказал это. Не нарочно, между делом, как будто оправдываясь перед самим собой:

— Ну, знаешь, работа такая... вечно задерживаешься. А дома... ну, там свои сложности. Но я стараюсь. Правда. Для семьи.

Фраза повисла в воздухе, лёгкая, безобидная, но для Евгении она была как щелчок замка. Сложности. Стараются. Для семьи. И при этом едет по ночной трассе, подбирает попутчиц, улыбается чуть шире, чем нужно.

Она не стала ничего спрашивать. Не стала давить. Вместо этого она просто посмотрела на него — спокойно, внимательно, так, как смотрят на вещь, которую уже решили купить. И в этом взгляде было что-то такое, от чего Игорь вдруг запнулся на полуслове, будто споткнулся о невидимый порог.

— Ты чего? — буркнул он, покосившись на неё. — Чего смотришь?

— Ничего, — мягко сказала Евгения. — Просто думаю, какой ты молодец. Помогает. Не каждый так делает.

Он хмыкнул, но в этом звуке уже не было прежней уверенности.

— Да ладно... обычное дело.

Дорога тянулась вперёд, фары выхватывали из темноты то столбик ограждения, то тёмный силуэт дерева. Машина ехала ровно, но воздух внутри становился гуще, будто кто-то медленно выкручивал громкость тишины.

— А жена твоя... она, наверное, очень тебя ценит, — вдруг сказала Евгения, чуть наклонив голову. — Раз ты столько стараешься.

Игорь дёрнул плечом, будто отмахнулся от чего-то назойливого.

— Да... наверное. Слушай, тут поворот скоро, я тебя до самой Сосновки не дотяну, но до перекрёстка довезу. Там хоть фонари есть.

— Хорошо, — спокойно ответила она. — Главное, что не бросил на дороге. Это важно.

Он снова покосился на неё, будто пытался что-то прочесть в её лице, но там не было ничего, кроме тихой благодарности. И всё же что-то его тревожило. Может, её спокойствие. Может, то, как она смотрела на него — не как испуганная девушка, а как человек, который знает о нём больше, чем следовало бы.

Перекрёсток появился внезапно: два луча света от фонарей, тёмный провал дороги, уходящей влево, и тишина, которая здесь казалась почти оглушающей после гула мотора. Игорь притормозил, не доезжая до фонарей, будто не хотел заезжать под свет.

— Тут сойдёт? — спросил он, не глядя на неё.

— Сойдёт, — кивнула Евгения, берясь за ручку двери. Она не спешила выходить. Вместо этого она чуть наклонилась вперёд и тихо, почти шёпотом, сказала: — Спасибо тебе, Игорь. Ты правда хороший человек.

Он наконец посмотрел на неё — и в этом взгляде мелькнуло что-то похожее на стыд. Или на страх. Или на то, что бывает, когда вдруг понимаешь, что кто-то видит тебя насквозь.

А потом Евгения достала из сумки шарф. Тот самый, с зашитой пуговицей. Но сейчас он ей не нужен был как трофей. Сейчас он был просто тканью, плотной, тёплой, которая могла на мгновение скрыть всё лишнее.

Она двигалась быстро, но без суеты — так, как двигаются люди, которые тысячу раз прокручивали каждое движение в голове. Игорь не успел ничего понять. Не успел закричать. Не успел даже по-настоящему испугаться.

Когда всё закончилось, Евгения аккуратно поправила шарф, убрала лишнее, села обратно на сиденье и посидела так несколько минут, слушая, как остывает мотор и как ночь снова забирает себе дорогу.

Потом она вышла, закрыла дверцу, будто ничего не случилось, и пошла прочь — туда, где фонари светили ярче, где скоро должен был появиться ещё один автобус, который увезёт её обратно в город. Туда, где завтра она снова будет «чуждом», которое подскажет, где лежит нужный файл, и предложит чай, даже если сама его терпеть не может.

Глава 3. Начало расследования

Кабинет следователя Михаила Романова пах старой бумагой, крепким кофе и чем-то ещё — тем особым запахом, который бывает в местах, где люди слишком часто сталкиваются с чужими бедами. Михаил сидел за столом, перебирая бумаги, и пытался собрать из обрывков одну простую картину: где, когда и как исчез Игорь Семёнов.

Жена Игоря пришла в отделение сама — рано утром, с красными глазами и сумкой, в которой лежали фотографии, выписки с карты, список звонков. Она говорила быстро, сбивчиво, цепляясь за каждую мелочь: он всегда звонил, когда задерживался; он никогда не пропал на всю ночь; он любил этот маршрут; он говорил, что заедет за хлебом по дороге...

Михаил слушал, кивал, делал пометки. И где-то между строками видел то, что она не говорила вслух: страх, который уже начал превращаться в вину. «А вдруг я что-то упустила? А вдруг он хотел сказать, а я не слушала?»

— Вы проверяли камеры на трассе? — спросил он у оперативника, который принёс первые снимки с места, где нашли машину Игоря.

Тот пожал плечами.

— Там почти ничего нет. Один кадр, где он тормозит у обочины. Рядом стоит девушка. Маленькая такая. Больше ничего.

Михаил взял фотографию, приблизил. Девушка на снимке выглядела... обычной. Улыбалась? Или просто так падало освещение? Её лицо было чуть размыто, будто она двигалась в тот самый момент, когда камера щёлкнула.

— Рост примерно сто пятьдесят, — добавил оперативник. — По словам свидетелей, кто-то видел, как она садилась к нему в машину.

Михаил откинулся на спинку стула, глядя на фото. Маленькая девушка. Обычная улыбка. И мужчина, который не вернулся домой.

Что-то в этой картинке не складывалось. Что-то было слишком гладким, слишком правильным — как будто кто-то очень старался сделать так, чтобы всё выглядело как случайность. Но случайности так не пахнут.

Он снова посмотрел на фото, задержав взгляд на её лице. И вдруг поймал себя на мысли, что где-то уже видел этот тип улыбки. Ту, которая ничего не значит. Ту, за которой прячется что-то другое.

В этот момент в кабинет постучали, и вошла дежурная с ещё одной папкой.

— Тут ещё одно сообщение о пропаже. Похоже, маршрут тот же. И тоже мужчина. Жена говорит, он часто ездил этой дорогой.

Михаил медленно положил фото на стол. Две пропажи. Один маршрут. И одна маленькая девушка, которая стояла у обочины и улыбалась.

Это уже не было случайностью. Это становилось системой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.